

АНТОН ФРИД

Я БОЛЬШЕ НЕ БОЮСЬ

Антон Фрид

Я больше не боюсь

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28719725

ISBN 9785449020680

Аннотация

Книга о человеке, который сходит с ума внутри самого себя. Ему приходится сталкиваться с разными реалиями жизни и смотреть под разными углами на происходящее и свои решения. История, когда все действия уже не помогают забыть о жизни.

Содержание

Часть 1

7

Конец ознакомительного фрагмента.

55

Я больше не боюсь

Антон Фрид

© Антон Фрид, 2018

ISBN 978-5-4490-2068-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Высоко в небе, в редких и ленивых облаках, летит небольшая птица. Я это вижу, но вас это не касается. Вы пришли сюда не за этим. Меня зовут Джек, а вас, наверное... Впрочем, не важно, очень при... Не приятно познакомиться. Будем честны, мы оба не рады этому знакомству, но ведь и обстановка для этого не самая подходящая. Не стоит отвлекаться от темы.

Вокруг себя я вижу зеленую траву и холмы, потому что мы на лугу, и подле нашего холма течет река. Она чистая, к нашему удивлению, но в ней нет рыбы или какой-то еще живности. На многие километры вокруг никого нет. Это просто огромные по своей площади поля: ни дерева, ни намечка на лес. Как это прекрасно, мой друг, ты даже не можешь себе представить. В какой-то мере, все на грани пустоты в привычном понимании.

Но сидим мы с тобой именно на деревянных шезлонгах,

каркас которых обмотан множеством веревок. Тебе, может быть, сложно это представить, но ты попробуй – мы же, черт возьми, сидим на них. И на них очень удобно, так удобно, что я готов отдать тебе всю свою одежду прямо сейчас. Сам бы остался совершенно без стеснения голым, и мне не было бы холодно – сегодня очень тепло и облака не загораживают лучи солнца. Но заметь, что даже голым я буду выглядеть лучше, чем ты в самых роскошных одеждах мира, нашего чертового шарообразного мира. А пока ты это отрицаешь или, быть может, даже злишься, ведь задеваю твое самолюбие, я скажу. Знаешь всё почему? В отличие от тебя я пришел сюда по своей воле и честен. Нет, ну правда же, чего ты хочешь? Я не собираюсь читать тебе нотации... И, может, даже лучше начать все с самого начала.

Итак, меня зовут Джек. Как вы можете наблюдать, мы находимся на вершине зеленого холма. На многие километры вокруг нет ни души. Есть одна река, чистая, но без рыб и другой живности. В небе, высоко над нами, парит небольшая птица. Кругом пустота. Надеюсь, тебе еще не страшно, хотя моя иногда появляющаяся нервная улыбка может пугать тебя. Я даже считаю, что так было бы правильнее. Но все мы тут не за этим. Ведь не для этого ты сюда пришел. Не для того, чтобы полежать со мной на лугу в самом удобном шезлонге на свете. Давай лучше расскажу те-

бе несколько историй о том, как так все вышло. Как все получилось с высоко летящей небольшой птицей и огромными зелеными лугами, разделенными рекой, в которой ни черта не водится. Ведь ты за этим сюда пришел на самом деле.

Часть 1

Вчера ты, моя Милая, кричала – и не от экстаза в горизонтальной кровати, совершенно точно нет. Ты, моя Милая, высказывала свое недовольство по всем пунктам нашего быта. Да так серьезно и много, что в какой-то момент, моя Милая, начало казаться, что ты говоришь о самых ужасных человеческих отношениях, которые только могут быть в мире. Впрочем, если честно признаться, может, и были наши отношения такими на самом деле.

Вперемишку с этой правдой разбивалась посуда разных цветов и форм. Несобранные до конца наборы ИКЕА и кем-то подаренная красивая кружка для чая с блюдцем. Все падало вниз, как капли дождя, а осколки молниями разлетались по новому темному кафелю и забивались в углы, залетали под мебель.

Потом сцена переместилась в нашу гостиную, где ты столкнула со стола вазу с подаренным мной букетом цветов. Моя Милая, ты, видимо, не понимала, что я дарил цветы от всего сердца только тебе. Ты продолжала в том же духе еще около получаса, а потом, хлопнув дверью, ушла в спальню, в то время как я остался в гостиной и через вытянутое прямоугольное окно наблюдал за автобусами на остановке. Когда отъезжал очередной и свет его фар исчез из поля моего зрения, я понял, что утомлен и решил прилечь. Стащил

подушку и плед с дивана на пол и лег. Тусклый свет от торшерной лампы падал на предметы вокруг, а я постепенно проваливался в сон.

Утром меня разбудил шум закрывающейся двери, это уходила из дома ты, моя Милая, видимо, еще злая после вчерашнего, но и этот твой настрой пройдет, вероятно, к вечеру.

У меня было мало времени, я вскочил и открыл шкаф, достал ружье со снайперским прицелом. Я не знал его калибр, название и как его заряжать – ружье зарядили при покупке, и дополнительных патронов мне не требовалось. Один выстрел без ошибки – это все, что мне было нужно. И, глянув в окно на автобусную остановку, куда ты еще не подошла, моя Милая, я удобнее устроился на подоконнике. Стрелял я последний раз два десятка лет назад, еще в детстве, с тех пор мне не приходилось брать в руки оружия, даже игрушечно-го. Сейчас это казалось не помехой. Я перед окном и смотрю в прицел, ожидая твоего появления, Милая, впервые за долгое время с трепетом. Так волнуются подростки перед своим первым свиданием, поцелуем или сексом. Давно забытое мной чувство. Своего рода девственная эмоция.

Прицел был чуть холоден, но прекрасное перекрестие говорило, что нужно это сделать. И вот вижу, как ты подходишь к остановке и замираешь в ожидании автобуса. Кажется, ты не опаздываешь, во всяком случае, не смотришь на часы. Тем временем перекрестие моего прицела находит твою

голову. Мимо тебя проходят какие-то люди, по-прежнему светит солнце, освещая тебя. Автобуса не будет еще минут пять, можно насладиться тобой, моя Милая, но не хочу. Воображение бы закончило и это. Нажимаю на курок, и толчок механизма внутри ружья отправляет пулю в путь.

Открыл глаза, встал с пола и резким движением бросил плед с подушкой на диван. Немного тяжело, и в голове начало пульсировать от резких движений.

Ты закрывала второй замок на входной двери, а я уже успел уснуть после первого шума. День начинался как ни в чем не бывало. Я открыл шкаф и достал свой костюм, хоть не хотелось, но на работу идти все же надо было. Впрочем, можно это просто изобразить.

А за прямоугольным окном ты уже стояла, моя Милая, на остановке и ждала автобус. Тебе ничего не угрожало, это меня немного приободряло, хотя сон еще тянулся остатками нитей к моему сознанию. Надо было вызвать такси, и, пока оно едет, выпить кружку кофе. Телефона под рукой не было, и, пошарив в брюках и карманах пиджака, убедился, что и там тоже. Куда-то он исчез.

В памяти всплыла вчерашняя сцена, и взгляд выхватил развалившийся телефон около шкафа. Как же я мог забыть, что в порыве своей ненависти ты вчера, моя дорогая, разбила не только посуду. Мне же сейчас оставалось лишь подобрать остатки телефона и бросить их в мусорное ведро,

а позвонить со стационарного. Устройства напоминающего о прошлом.

Когда я уже снял трубку со стены и посмотрел на отверстие, в которое надо будет говорить, и на отверстие, из которого надо слушать, вспомнились слова какого-то писателя, который назвал это бубликами. Разговор по бублику. Когда я набрал номер такси и в этом бублике шли гудки, я смотрел на свои ноги. Бледные, волосатые, в меру крепкие мужские ноги, хозяин которых слушает гудки по бублику в ожидании милого голоса оператора.

Но все это полная ерунда, мне необходимо сосредоточиться на деле.

– Здравствуйте, служба заказа такси, – сказал женский голос в бублике.

– Здравствуйте... – дальше я называл адрес, откуда меня забрать и куда мне ехать. А ее успокаивающий голос перенес меня в состояние ожидания машины на тридцать минут.

Но за это время мне еще надо было успеть сделать несколько дел, и я решил не медлить, повесил бублик на место и пошел в душ. По пути щелкнул переключатель на кофеварке, чтобы к выходу из душа сразу глотнуть пробуждающего кофе.

Войдя в ванную комнату, сразу намочил ноги, ступив на коврик – видимо, он стал мокрым, когда моя Прелестная вытиралась с утра. Но это не огорчило меня. Залез в душевую кабину и включил воду. Струя воды вырвалась из крана

над моей головой и сразу вновь намочила стеклянные стенки кабины и меня самого. Потерев лицо руками, я глянул сквозь незакрытую дверь на часы – времени у меня было еще достаточно. Можно постоять и помокнуть, подумать о предстоящем дне. У меня хорошо получалось отсчитывать время в голове.

Раз. Я подставил голову под струю воды, она начала разлетаться на стеклянные стенки и течь по ним вниз. Пришлось опустить лицо, поток воды не давал нормально дышать, по телу прошел холод, и в глазах немного потемнело, кислорода сегодня хотелось больше, чем обычно. Два. Уже пропало желание пить кофе, и ясность в голове требовала новых задач и решений. Я взял бутылку с шампунем и выдавил себе на ладонь, потом намылил волосы. Эти массирующие движения напомнили мне о чем-то, но образ быстро ускользнул, не дав себя рассмотреть. Три. Руки в пене были, как в снегу или в крови, облеплены со всех сторон этой мыльной субстанцией. Все стекало по ним, и казалось, что совершенно уже что-то непоправимое. Четыре. За окном прогудел грузовик и поехал, шум двигателя доносился до меня все тише. Пять. Мне казалось, что я слышу, как у кого-то дома звонит старый телефон, но я не был уверен, что это происходит не у меня в голове. Такой звонкий, но мягкий звук, отдающий какой-то стариной и трепетом, а быть может, и страхом уходящей эпохи. Шесть. Тело уже достаточно промокло и было готово ко всему, так что смыв мыло, я вышел

из душа. Семь. Ноги ступили на мокрый и холодный коврик, зеркало над раковиной запотело, но небрежным движением руки я вернул себе отражение. Восемь. Вытерся полотенцем и надел халат, кофе все еще не хотелось. Девять. Зубная щетка из прозрачного пластика с черной щетиной, подаренная кем-то на забытом мной мероприятии, быстро сделала свое дело, и я, сплюнув пасту, поставил щетку обратно в стакан. Десять. Выйдя из ванной, я посмотрел на часы. Прошло двадцать минут, до приезда такси оставалось еще десять, надо было скорее одеваться. За окном послышался гром.

Трусы, носки, брюки и вставить ремень. Рубашка падает на пол, поднимаю и надеваю ее, застегиваю, беру пиджак и небрежно его накидываю. На столе лежит бумажник, хватаю его и ключи от дома на крючке у входной двери – мой следующий пункт.

Захлопываю дверь и сбегаю по лестнице вниз. Лифт у меня есть, но я предпочитаю его не использовать. Отговоркой для всех у меня была фраза «поддерживаю себя в форме» – на деле это далеко не так. Боюсь его до смерти, это замкнутое пространство с тусклым светом. У меня не получается это переносить. Не то чтобы я не мог ездить в лифте – конечно, могу. Но с тусклым светом и пошарпанными стенами, вперемешку со скрипящим звуком – это мне не по нутру. Замкнутый ужас.

Выхожу из подъезда и вижу ожидающую меня машину. Машу водителю, он в свою очередь кивает. Дождь льет уже

довольно сильно. Я наступаю в пару луж, но кажется, ничего серьезного и ноги не промочили, так что подбежав к машине, сразу прыгаю внутрь. По сути, дело сделано, свою первую миссию на сегодня уже выполнил: я в такси и еду в офис. Можно расслабиться и наблюдать за окружающим миром.

Мы продолжали движение. Я сидел спереди и пытался подавить в себе небольшой порыв ненависти. Она была вызвана тем, что водитель включал дворники только тогда, когда через лобовое стекло уже не было ничего видно от капель дождя. А меня бесило и без того грязное окно, через которое я пытался разглядеть едущие впереди машины и людей на перекрестках. Это должно было меня успокоить, но он все портил.

В боковое окно я тоже ничего не мог рассмотреть, так как оно наполовину запотело, а остальная часть была залита водой, что попадала с лобового. И изредка поскрипывающая педаль, на которую он давил уж слишком резко, завершала эту унылую картину. Я начал представлять, как мы попадем в аварию из-за всего этого. Даже вообразил толчок от столкновения вначале с машиной, потом со столбом на обочине; как от первого столкновения меня бросает на лобовое стекло и я ударяюсь об панель над бардачком. Из носа у меня хлынет кровь, может быть, я даже разобью челюсть, и тогда она будет течь и изо рта. Далее спружинит ремень и оттянет меня обратно на сиденье. От сильного столкновения машина согнется и ударит меня приборной панелью в грудь;

плевком крови заляпается остаток лобового стекла. А летящая дальше искореженная машина уже ничего не будет значить для меня, все будет кончено. Она ударится об столб, стену или автобусную остановку, может быть, кто-то пострадает и на тротуаре, но и это уже ничего не будет значить.

Но шины продолжали рассекать лужи, а за окном мелькали машины, люди, столбы и перекрестки со светящимися вывесками забегаловок и небольших магазинов.

Когда мы подъезжали к офису, дождь уже почти прекратился. И, открыв дверь, мне удалось даже не промочить ноги в луже у водосточного слива. Такси уехало. Люди заходили и выходили из здания, наполненного офисами разных, но в то же время связанных структур. Это все довольно привычно и даже не оставляет выбора: я вхожу в эту темную воду мелких рыб и, пробираясь сквозь поток, попадаю к лифту в центре зала. Около меня стоит десяток человек, все зайдут в лифт, но моя игра заключается в том, чтобы угадать количество тех, кто доедет до моего этажа. Лифт еще спускается, а говор вокруг не стихает. Темный полированный кафель под ногами и множество металлических и стеклянных конструкций в зале – все это ломает во мне хрупкие нити спокойствия. Люди начали тесниться, лифт подъезжал. И когда он уже подъехал, я еле успел проскочить вперед всех и встать в углу. Так легче наблюдать за обстановкой и не возникает чувства замкнутого пространства. Хотя и тут не смолкает нескончаемый гул голосов. А цифры на табло переключа-

лись, число становилось больше, людей меньше. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать. Тут мне выходить. В лифте я не один, со мной выходит женщина в строгой серой одежде и очках, возможно, чей-то секретарь, хотя она и не в деловом костюме. Далее нужно сесть в следующий лифт, который доставит меня уже на мой этаж. Женщина заходит вместе со мной, и мы мельком переглядываемся. Но мне интереснее табло с этажами, в этом лифте оно обозначено буквами. Один эй. Лифт, явно, выглядит слишком новым для двухлетнего эксплуатации. Два би. И кнопки приятно светятся зеленым. Три си. Женщина в сером выходит и, когда двери уже закрываются, оборачивается и провожает меня взглядом. Лифт разгоняется. Четыре ди. В воздухе еще чувствуется аромат ее духов, и что-то в нем есть праздничное, во всяком случае, он кажется мне сладким. Пять и. Двери открываются, и я выхожу. Запах духов пропадает и заменяется на запах кофе.

Слышу, как лифт уезжает обратно вниз, а дальше по коридору кто-то кричит и ругается на кого-то. Направляюсь в ту сторону. Открываю тяжелую стеклянную дверь и попадаю в помещение с большим круглым стеклянным столом. Панорамное окно зашторено, и вокруг стола ходит Альма. Она бросает на меня удивленный взгляд:

– Где ты был, Джек?

– Ты уверена, что тоже хочешь высказать свое мнение по этому поводу? – я прохожу мимо стола в направлении

своего кабинета.

– Она говорила вчера с тобой? Чем все закончилось?

– Погромом в моей квартире.

Захожу в свой кабинет и ложусь на кожаный черный диван. Сейчас закончится совещание и ко мне зайдет Альма. Разговоры о личном в присутствии других сотрудников нас давно не волнуют. Мы вместе уже три года – против тех пяти лет, на протяжении которых ты, моя Милая, мне изменяешь. И знаешь, с этого момента я, пожалуй, перестану называть тебя моей Милой. Все кончено. Сегодня я не вернусь домой, я растворюсь, прощай.

Сел и налил себе из бутылки, стоящей на столе, воды с газом. Слышал, как за дверью Альма вещала о достижениях прошлой и этой недели. Мне это было неинтересно, ждал, когда она закончит и наконец-то придет сюда. Уже успел решить, что скажу ей, и каждый глоток этой шипящей жидкости приближал меня к неизбежному переломному моменту в моей жизни. По привычке засунул руку в карман пиджака: хотел достать телефон и положить его на стол, но вспомнил, что его уже нет. Это меня рассмешило, и я опять развалился на диване. За стеной слышался шум и шорох, люди вставали и скрипели стульями, шелестели бумагами, потными руками укладывали вещи в сумки и папки. Их задницы отрывались от стульев, и их обладатели потихоньку улетучивались из конференц-зала. Тем временем Альма вошла

в кабинет.

Она была несколько встревоженной и сразу подошла ко мне, дверь еще не успела закрыться, как она заговорила:

– Я даже не успела поприветствовать тебя, ты так пролетел, – она наклонилась и влажно поцеловала меня в губы.

– Мне не хотелось находиться в толпе этих, с кем ты там говорила, хотелось побыть наедине с собой, – я протянул ей стакан воды.

– Мне уйти? – она взяла стакан и сделала глоток.

– Конечно, нет, у меня есть серьезный разговор к тебе.

– Хорошо, – она закрыла дверь на ключ, села на пол возле дивана, положив руки мне на грудь, и внимательно на меня посмотрела.

Я так люблю ее взгляд. Он похищает меня из реального мира и окунает в какой-то свой, наш с ней мир спокойствия и целостности.

– Альма, мы очень давно вместе. Я хочу уехать.

Она вздохнула и немного опустила глаза.

– Куда ты хочешь уехать? – ее тон изменился и стал грустным.

– Ты меня не поняла, я хочу уехать с тобой! – я коснулся ее лица и провел рукой по ее волосам. Она уже была рада и смотрела на меня горящими глазами.

– Куда мы уедем?

– Мы уедем в том случае, если ты хочешь быть со мной, Альма! – ее глаза прекрасны, не могу оторвать от них сейчас

свой взор, как идиот.

Улыбаясь, она положила голову мне на живот. Не знаю, о чем она думает в данный момент, но ее ответ повлияет на столько всего... От осознания чего в какой-то момент у меня даже, кажется, замирает сердце. Но потом вспоминаю, что это же ты, моя Любимая, и мы столько лет поддерживаем друг друга.

– Конечно, я хочу быть с тобой! Ты точно решил оставить все это и уехать? – она села на диван рядом со мной.

– Да, дом у озера будет лучшим вариантом, – я потянулся к ней и поцеловал.

– Хорошо, когда мы поедем? – она налила воды в два стакана, бутылка осталась пустой.

– Сейчас.

– Прямо сейчас? – она была удивлена и посмеивалась через каждое слово. – Что прямо сейчас? Бросим всё? Джек, ты сошел с ума!

– Да нет же, это реально. Просто давай сделаем это. Это только кажется сумасбродством, а когда начнем, все будет хорошо! Все сложится.

– Ооокей, – она слегка потянула первую букву. Затем, еще раз рассмеявшись, встала и, взяв с вешалки какой-то свитерок с большими пуговицами, сказала:

– Ну, мы идем?

– Да! – я вскочил с дивана и со стуком поставил стакан на стол. Он в свою очередь не устоял и упал на пол. Разбился

с таким легким и звонким звуком. Мы замерли на какое-то мгновение из-за этого – пусть думают, что нас похитили.

Альма рассмеялась, и мы вышли из кабинета. Несколько шагов, и мы уже в лифте. Пока мы довольно вульгарно целуемся, на табло ритмично подсвечиваются буквы. Нам смешно, ведь теперь все наше будущее неизвестно, но вкупе с ее сладкими поцелуями это даже возбуждает меня. Это перемены.

Когда мы спускаемся вниз, на проходной нас внимательно изучают. И мне очень хочется съязвить женщине-охраннику, если она что-нибудь скажет, но она отворачивается и молча смотрит в свой экран. В этот момент Альма отделяется от меня и идет отдавать какие-то конверты ей. Не хочу ждать и выхожу на улицу. Ветер устраивает хаос на моей голове. Пасмурно, но дождя уже нет, осталась лишь сырость и мерзлота.

Вот так стоял и ждал, пока из здания выйдет Альма. Дальше по улице вправо, в метрах ста от меня, перегородив дорогу, стояла фура, на которой была погружена какая-то большая хромированная цистерна. Я посмотрел налево. Изредка мелькали машины, на перекрестке перед фурой поворачивали и уезжали. Я еще раз бросил взгляд налево: оттуда ехал грузовик с бетономешалкой и на не малой для него скорости. Не знаю как, но он смог разогнаться, наверное, до восьмидесяти километров в час и пронесся мимо меня, обдав ветром и выхлопами.

Его водитель, заметив, что дорога перегорожена, начал сворачивать влево, но на скорости грузовик стало заносить. Он врезался в угол дома, снеся кусок стены и – видимо, с водителем что-то случилось – поехал дальше в направлении преграды на дороге. После столкновения со стеной он на всем ходу влетел в цистерну. Она издала глухой звук, появилась вмятина. Бетономешалка качнулась. В то же время кабина грузовика просела и оказалась под цистерной. Шум прекратился.

– Так вот она какая, жизнь без меня, – произнес я в воздух, не отрывая глаз от произошедшего.

– Ты так считаешь? – сказала из ниоткуда взявшаяся около меня Альма.

– Мне приходится так считать. Это позволяет мне заполнять моменты жизни, где меня еще нет и познавать новое.

– О, как! – ключи от машины звякнули в ее руке. – Ну тогда заполняй пространство в машине и поехали.

Я посмотрел на машину. Это был ее «Форд-Фокус», уже давно не новый, темно-синего цвета. На его капоте и крыше вода после дождя собралась в аккуратные капли и замерла. Можно было бы долго сидеть и смотреть на эти капли, как они с каждой минутой уменьшаются высыхая, до тех пор, пока они совсем не исчезнут из поля зрения, растворившись в воздухе.

– Как давно тебя стало тошнить от работы?

– Я думаю это всегда было не по мне, возможно, обманы-

вала себя, что завтра станет иначе. Но ничего не менялось. Ты знаешь, как это бывает. В основном тебя все устраивает, ты работаешь, и у тебя получается. Пара повышений, и вдруг ты понимаешь, что уже не в своей тарелке, а пути назад нет, — она вставила ключи в замок двери машины. — Ты думаешь, дальше будет лучше, но там просто работа. Знаешь, что я люблю больше всего?

— Помимо меня? — на моем лице проскользнула улыбка. — Нет, Альма, боюсь, я не знаю. Но ты мне скажи, и буду знать.

— Помнишь первые недели, когда мы познакомились, мы часто гуляли в том маленьком парке, с горы смотрели в даль моря, — ключи в замке чуть позвякивали от силы ветра, я повернулся всем телом и внимательно смотрел на Альму, — а потом ты кончил в меня и мы думали, что я забеременела.

— Помню, тогда совершенно не знал, куда себя деть, все же только начиналось, — коснувшись ее щеки и приобняв за талию, я заглядываю ей в глаза, но она чуть отодвигается.

— А теперь что?

— В каком смысле, теперь что?!

— Я беременна, Джек.

Ее глаза увлажнились, и она вся напряглась.

Какие-то факты столкнулись в моей голове, и я понял, что уже пора что-то начать говорить:

— Это прекрасно, Альма!

— Ты правда так думаешь?

— Да, черт возьми, да! Теперь наша жизнь станет намного

осмысленней.

– Больше всего на свете я люблю тебя и нашего ребенка, Джек.

Я поцеловал ее, и мы сели в машину. За рулем был я: не стал пускать ее в таком состоянии. Одна женщина уже разбила недавно вдребезги мой телефон и кучу посуды, не хочу, чтобы еще и Альма, внезапно вспыхнув из-за чего-то, попала в аварию и разнесла нашу машину. Не сейчас... Может быть, несколько позже.

Около нашей машины резко и криво остановился какой-то безликий автомобиль. Из него выскочил парень, одетый почти как я, и, что-то крикнув в салон, повернулся в нашу сторону с зажигалкой и какой-то книгой. Все произошло быстро и молча. Он поджег книгу и бросил ее в мусорное ведро, но промахнулся, и она упала в лужу около него. Нижняя часть книги промокла, а верхняя была охвачена пламенем. Я успел прочитать название, прежде чем обложка окончательно загорелась. На ней было написано «Библия».

Когда я поднял глаза на парня, он уже садился в машину – один рывок, и она уехала, скрылась за поворотом. Я посмотрел на горящую книгу и подумал, точно ли там была эта надпись, но удостовериться уже было невозможно.

Повернулся к Альме. Она сидела, как будто ничего не произошло, и смотрела на меня. Я оглянулся по сторонам. Альма нарушила тишину:

– Джек, мы поедem или как?

– Что ты думаешь делать с ребенком?

– Каким еще ребенком, Джек?!

– С нашим ребенком!

– Почему ты решил, что у нас есть ребенок?

– Ты мне сказала!

– Я такого не говорила, Джек. Ты, наверное, о чем-то опять замечтался.

У меня начинала болеть голова. В какой-то момент я стал настолько четко слышать свое сердцебиение, стук и шорох протекающей крови, как будто кто-то стучал палкой по жестяной банке. Я услышал шуршащий звук, будто змея выползала из кожи. Это текла кровь.

– Я плохо чувствую себя, не против, если ты сядешь за руль?

– Конечно! Но не води себя так странно из-за этого.

Мы вышли из машины и, обойдя ее с разных сторон, сели на места друг друга. Она продолжала:

– Тебе действительно показалось, что я сказала о том, что беременна?

– Был уверен в этом на сто процентов.

– Ты хочешь ребенка?

– Я был бы рад, если бы ты забеременела. После всех моих размышлений это именно так.

– Я правда этому рада, Джек. У нас еще есть время, не волнуйся, – она погладила меня по руке. – Заедем ко мне, надо собрать вещи, и потом двинемся в путь, хорошо?

– Конечно, рули, красавица, домой!

Альма улыбнулась, и машина тронулась с места.

Мы ехали по разным улицам. Меня бесконечно радовали чистые окна, в которые я мог смотреть по сторонам, как чертов кот, который целыми днями наблюдает в окно за миром, людьми или пролетающими птицами. Так и я глядел сквозь стекло с редкими каплями, еще не высохшими после дождя, на людей, идущих куда-то, на припаркованные машины разных марок и цветов, на птиц, резко взлетающих с веток в разные стороны, на весь этот хаотичный мир. По отдельности все прямолинейно и однообразно, но вместе – уже просто безумие. Это как множество совершенно разных, хорошо нам знакомых предметов в беспорядочной куче. Поодиночке они просты и понятны, а в этом бардаке уже не разобрать что к чему. Соприкасаться с этим совершенно не хотелось – только наблюдать со стороны и, желательно, как можно дальше.

– Джек, тебе не нужно забрать какие-нибудь вещи из дома? – она включила правый поворотник, и мы стояли на перекрестке в ожидании зеленого цвета.

– Нет, все что нужно, можно купить по дороге в любом магазине одежды, – я посмотрел на Альму, у нее был довольно спокойный и радостный вид. Кажется, она по-настоящему была счастлива, это читалось в ее глазах и поднимало мой дух.

– Я люблю тебя, ты помнишь об этом?

– И я тебя люблю, – она наклонилась и поцеловала меня в губы, загорелся зеленый свет. – Поедем тогда по более короткому маршруту!

Она пересекла еще пару перекрестков и с помощью нескольких поворотов сократила путь до дома. Ехали мы молча, Альма была сосредоточена на дороге и, видимо, каких-то своих мыслях, а я изучал ее телодвижения: как она вращала руль, смотрела по сторонам и на приборную панель, как двигала рычаг коробки передач и включала поворотники.

– Ты в порядке? – спросила меня она.

– Вроде, да, а почему ты спрашиваешь?!

– Ну я рулю и вижу краем глаза, как ты внимательно меня разглядываешь, каждое мое действие и вообще все происходящее вокруг.

– Иногда я бываю слишком любопытным.

– Ты о чем-то беспокоишься?

– Нет, – я дотянулся и посмотрел на себя в зеркало заднего вида, – я в норме, может, даже более чем. Я рад происходящему, устал оттого, что было, и наконец-то ситуация изменилась.

– Ты сам ей не давал разрешиться до этого. Скажи мне честно, Джек, почему ты жил с этой женщиной все это время, ждал пока ситуация станет невыносимой или на что-то надеялся?

– Был занят другим, а когда посмотрел на то, что проис-

ходит вокруг, был в ужасе. Если бы в моей жизни не было тебя, тронулся бы умом полностью.

– Ты и так сумасшедший! Посмотри на то, что мы делаем?! – она звонко смеялась, мне тоже стало смешно. Люблю, когда она смеется.

– Считай, что мы улетаем в космос на другую планету. Пошли все, пошло всё.

Вытянул руки вперед перед собой и коснулся ладонями лобового стекла. Оно было холодным, и за этим холодом скрывалась влажность улицы. Литры пролитой дождевой воды, километры дорог впереди нас. Альма смеется рядом и уводит машину все дальше, ей нравится, что я говорю, а мне нравится, что мои слова – правда. Еще мне нравится запах ее духов в воздухе, который проникает мне в ноздри и расщепляется там на мелкие составляющие, тем самым бурным и в тоже время мягким букетом моего любимого аромата. Эти духи были у нее еще до знакомства со мной, а когда флакон начал кончаться, я сам нашел их в магазине среди сотни других ароматов и подарил ей на день рождения. Сейчас этот запах переплетался с еле уловимым запахом моей усталости и холодом улицы.

На десятки кварталов позади оставался мой бывший дом. Там, под шкафом, лежал незамеченный кусок пластика от моего разбитого мобильного. Сам же телефон, насколько я помню, теперь должен валяться в мусорном ведре. Возможно, сейчас ты, моя Милая, даже находишься дома, но это

уже не имеет значения. Не имеет значения и все, что ты вчера говорила, я и так это знал. Мне даже кажется, что скорее я бы удивился, не будь этой сцены разгрома.

Но все эти мысли с каждой секундой, с каждым метром, что мы проезжаем на этой машине, улетают всё глубже в прошлое, а оно уже не будет касаться нас, в отличие от холода, который я чувствую своей ладонью на лобовом. Это некое напоминание мне, которое я не хочу удерживать в памяти, и оно улетает вниз, как брошенный лист в темный колодец. Всё, пока.

– Мне кажется, вокруг твоей ладони стекло уже достаточно запотело, – голос Альмы вернул меня назад. – Ты думаешь о ней сейчас?

– Я подумал о прошлом и в некотором роде попрощался с ним.

– Надо знать, когда послать все к черту.

– Я знаю.

– Когда?

– Всё к черту! – я резко повернулся к ней и поцеловал, а она улыбнулась и продолжила вести машину. До ее дома оставалось уже не так много.

Эти ее губы, еще влажные после поцелуя, растянутые в улыбке. Мне нравятся. И кстати, наверное, сейчас она думает о том, что довольна жизнью. Я знаю, что Альма по-настоящему хочет быть со мной. Всерьез меня любит. Знала бы она, как сильно люблю ее я. Все, что делается – ведь только

ради нее. Этот город и ее работа, люди, друзья и коллеги – все это погубит ее тут, потому что всему этому она не нужна.

Мы проехали мигающий поворотниками фольк и на перекрестке повернули влево. Стал виден дом Альмы. Мне всегда нравилась ее подсвеченная двумя фонарями входная дверь. Дом навевал особое чувство гостеприимства, будто внутри скрывался самый теплый и уютный мир, который только мог быть. Хотя это все неправда. Я бы сказал больше, это в принципе не может быть правдой. Во всяком случае, до тех пор, пока я не отказался от мысли, что жизнь в городе – плохая идея.

Хорошо, что Альма разделяет мои взгляды и мы уезжаем. Я искренне радуюсь и не могу скрыть улыбку, которая возникает при мыслях об этом. Да и, по правде говоря, скрывать ее вовсе не хочу, от усталости или откровения.

Мы уже подъезжали:

– Оу-ла-ла, Джек. Я соберу вещи, и мы поедem. Или ты хочешь поехать завтра с утра?

– Ну, – улыбнувшись, я погладил ее руку, лежащую на рычаге передач, – если есть какие-то идеи на эту ночь, то лучше, конечно, поехать утром.

Альма слегка покраснела и стеснительно улыбнулась, глянув в мою сторону. Она открыла дверь и вышла из машины. Странно, ведь я не заметил, как мы остановились. Постоянно проваливаюсь куда-то в своих раздумьях в последнее время. И сейчас – вижу, как Альма смотрит сквозь лобовое стекло

на меня, ждет, пока выйду и улыбается. Кажется, она думает, что я дурачусь, но нет, просто я немного не в себе.

Дергаю ручку двери и выхожу из машины. Толкаю дверь назад, и она с мягким хлопком закрывается. От капель дождя, что не успели высохнуть на дверце машины, мои руки становятся мокрыми. О, это приятная прохлада и влажность воды. Да, Альма, сегодня я покончу со своей жизнью. Со своей старой жизнью. И полноправно перейду в совершенно новую, иную и бесконечно другую жизнь. Естественно, полностью отречься от всего своего прошлого не получится, но жить наконец-то так, как хочется, точно смогу. Распрощаюсь со своей усталостью, подниму тебя на руки и пробегу столько, сколько ты захочешь. А потом упаду. И ты скажешь мне, что это было прекрасно. Наверное, мы уже будем где-то в поле и над нами высоко-высоко будут летать птицы. Спросить друг друга о том, не безумие ли это, будет уже лишним. Мы будем свободны друг от друга и всего того, что можем встретить вместе.

– Пойдем в дом? – взяв ее за руку, я указал на дверь.

– Да! – она обогнала меня, и сама повела вперед.

И все же, она совершенно безумна. Значит у нее получится выносить меня в моменты наступления моего истинного «Я».

Мы минуем два лестничных пролета и после небольшой манипуляции с замком оказываемся у нее дома.

Тусклый свет в прихожей, отделяющий входящих

от остальной части квартиры. Разувшись, я ступаю на ковролин, который был расстелен по всей квартире, кроме ванной комнаты, и по которому она не разрешала ходить в обуви. А я обожал ее ковролин. Он всегда вызывал во мне желание ходить по нему босиком. Этот комфорт и мягкость, даже какое-то ощущение безопасности. Вдобавок к этому Альма прекрасно умела зонировать пространство, художественный вкус у нее был во всем. Такая атмосфера позволяла перемещаться по ее квартире, как на воздушном судне, с некой грацией и спокойствием, не торопясь перебирать ногами и попадать из прихожей в гостиную, кухню, спальню или ванную. Я устроился на диване перед небольшим столиком, верх которого сделан из каленого стекла с гравировкой в египетском стиле. Я узнал изображение бога Анубиса и еще какое-то знакомое божество с головой птицы, которое я никак не мог вспомнить.

– Альма, а как именуют этого бога с головой птицы у тебя на столе?

Послышался ее смех с кухни:

– Ты опять запал рассматривать изображение на столе?

– Ну что-то да... – я откинулся на спинку дивана. – Так ты знаешь?

– Это бог солнца Ра. Разве ты не видишь связи птицы и солнца? – отголоски ее звонкого смеха опять послышались мне с кухни.

– Нет, я бы, скорее, сказал, что это бог ветра или что-то

этом духе. Думаю, тебе стоит избавиться от этого столика!

– Почему? – Альма появилась в проеме кухни с прихватами для горячего на руках.

– Он каждый раз отнимает часть моего внимания. Того внимания, что я мог бы уделить моей красавице, – похлопав по ряду лежащих на диване подушек, продолжил, – и что ты там такое делаешь, женщина?

Она опять рассмеялась:

– Готовлю нам ужин. Или ты не голоден?

Ее хорошее расположение духа обещало чудесное продолжение дня. Наверное, мне надо радоваться, что все так отлично складывается. В конце концов, ведь стол не уедет с нами, и значит моя параноя на его счет прекратится. Слишком много думаю об этом столе. Хватит.

После этого решения я переместился на кухню, неспешно шагая по божественному ковролину, и застал Альму, как раз заглядывающую в духовку.

– Что там? – спросил я и начал вращать стоящие на небольшой барной стойке перечницу и солонку.

– Спряталась куриная грудка в соусе с картофелем! – радостно отрапортовала она и, подойдя ко мне, поцеловала в губы, потом забрала у меня из рук перечницу и солонку.

– Лучший ужин в моей жизни «пойман» самой красивой женщиной в моей жизни, – наклонившись поцеловал ее в ответ и, кажется, из солонки даже немного просыпалась соль в этот момент.

Альма улыбаясь посолила и поперчила содержимое в духовке, потом, надев прихватки на руки, перевернула содержимое на противне и закрыла печь:

– Пока я делаю салат, достань, пожалуйста, из бара в гостиную бутылочку вина.

– Ммм, хорошо, – несколько загадочно протянул я и пошел в гостиную.

Опять этот божественный ковер. Бар скрывался за деревянными дверцами около слегка подсвеченной панели, изображавшей камин. Помимо прочего, он, то есть бар, скрывал в себе несколько бутылок совершенно разных вин и две – чего-то гораздо более крепкого, отчего элементарный выбор становился для меня настоящей проблемой. Ведь, когда я был маленький, даже между двумя видами мороженого не мог определиться.

– Италия или Франция? – крикнул я в сторону кухни.

Бутылки блестели, а этикетки были приятны на ощупь. С кухни послышалось:

– Италия! Это будет дополнение к итальянскому соусу в смешной банке, который ты так любишь.

Ну что сказать, женщина сделала свой выбор. Оставалось лишь взять единственное итальянское вино из бара, оно, кстати, было красным и сухим, и принести его на кухню.

Еда уже была разложена по тарелкам, мне оставалось только удивляться тому, как Альме удастся так быстро и отменно готовить. Ведь единственным, чего нам не удалось

приготовить, было блюдо с фрикадельками в тесте. При варке все они раскрылись и расплылись по кастрюле в разные стороны.

– От винта! – Альма протянула мне штопор с темной деревянной ручкой.

– Ооокей! – я всадил штопор в верх бутылки, даже не срывая этикетки. Пробка отозвалась легким хлопком. – Бокалы в студию!

Улыбнувшись, она достала с полки бокалы и поставила перед нами. Большие, кстати сказать, бокалы. В два таких бокала, наполненных наполовину, умещалось содержимое всей бутылки вина. Мне казалось это очень удобным, так как не приходилось постоянно подливать и ты точно знал, сколько уже опрокинул – можно контролировать свое состояние (если это вообще нужно).

– Вуаля! – я наклонил бутылку и наполнил один бокал, что стоял ближе к ней, потом второй. Убирая бутылку, случайно задел перечницу, и она упала на пол. – Ох, мать его.

Быстро поднял ее, убедившись, что ничего не просыпалось и перечница не разбилась, убрал ее как можно дальше от себя, на верхние полки.

Выдохнув после произошедшего, посмотрел на Альму, она смеялась в голос. Вся эта сцена, видимо, показалась ей очень забавной. Ей нравилось, когда со мной происходит черт-те что, моя реакция и произносимые словечки. Когда-то она сама рассказывала мне об этом. Но я не фальши-

вил и не готовился заранее, чтобы удивить ее — все это каким-то неостановимым потоком само лилось из меня. Иногда я был как фонтан словосочетаний, а иногда молчаливым и малословным. В последнем случае Альму удавалось убедить, что ничего не произошло и я не расстроен — в конце концов она привыкла относиться к моему немногословию нормально. Она была довольно смышленной, и ей не приходилось объяснять по нескольку раз важные для меня вещи.

Однажды, когда я был ребенком (кажется, мне тогда было лет шесть или восемь), мои родители поссорились. Не помню, почему и даже что происходило. В моей памяти удалось уцелеть лишь одной фразе, сказанной кем-то из них: «Когда люди по-настоящему близки, им уже необязательно трепать языком, для того чтобы общаться».

Я использовал эту фразу совершенно в разных ситуациях, иногда совсем невпопад. И, да, честно говоря, в эти моменты я просто лгал. Но это была так называемая ложь во спасение.

— Тост не обязателен, но если что, у меня есть предложение! — Альма прервала мои воспоминания и подняла бокал.

— Я всегда открыт для предложений! — я взял второй.

Мы стояли по разные стороны своего рода барной стойки, используемой Альмой для готовки. Она никогда не ела на кухне, все делалось в гостиной, за тем самым чертовым египетским столом. Но сейчас ей хотелось начать здесь, что тут сделаешь? Я совершенно не возражал против этого. Даже если бы она захотела съесть меня, не очень-то сопротивлял-

ся. Может, даже помогал бы ей отрезать кусочки своего тела, поглаживал бы ее по спине, пока она их проглатывала, и уж тем более помог бы выбрать напиток под такое блюдо, как я.

– За наше совместное неизвестное будущее и уходящее прошлое, которое мы подпинываем прочь.

– И ударяем топорами со всех сторон.

– Обливая бензином и...

– Поджигаем ко всем чертям! – она смотрела мне в глаза, лучезарно улыбаясь.

– У нас все будет хорошо? – Альма со смехом задала вполне серьезный для нее вопрос, пытаюсь скрыть волнение.

– О, я приложу все свои силы, чтобы иначе у нас просто не могло быть! Уверяю тебя! – бокалы слегка коснулись друг друга и с еще не угасшим звоном стекла мы сделали первый глоток. Она была счастлива.

– Идем тогда поедим, а то мне еще надо собрать некоторые вещи. Ты, кстати, не помнишь, мы что-то оставляли в доме, когда были там в последний раз? – на этой фразе она уже взяла в обе руки поднос с нашим ужином и направилась в гостиную.

– Может, только те два пледа в полоску, вряд ли что-то еще, – я не мог решить, что взять сперва: наши тарелки, бокалы или салатницу с корзинкой хлеба.

В кухню опять вбежала Альма. Ее тонкая юбка слегка развевалась, а сама она посмеивалась. Когда она успела переодеться, для меня оставалась загадкой. Ох, эта сумасшедшая

женщина!

– Возьми салат и бокалы! А я займусь тарелками и хлебом, – она погладила меня по руке и, умело взяв корзинку хлеба с двумя глубокими тарелками, пошла в гостиную.

Я почему-то чувствовал себя растерянным. Мысленно я еще был в нашем доме и рассматривал вещи, правда, кроме тех двух пледов, так ничего и не вспомнилось. Не потому, что я плохо помнил тот дом, напротив, помнил почти абсолютно все, даже запах внутри и на крыльце. Там я лежал в огромном кресле-качалке и на длинной палке жарил сосиски над небольшим, собранным мною мангалом.

Тут надо упомянуть, что мастер я криворукий и мангал представлял собой сваленные по кругу кирпичи, которые образовывали нечто, похожее на трубу. Внутри насыпались угли, потом дрова, и горело прекрасно. Плюс ко всему прочему, чтобы убить двух зайцев сразу и подготовить место к следующему костру, я всегда оставлял догорать огонь до конца.

Это было мое личное место.

С Альмой, если нам вдруг взбрело в голову, мы усаживались перед камином и, опираясь на пуф, смотрели на пламя. Ее, как и меня, это успокаивало. Мы даже купили какую-то полиэстеровую «шкуру», чтобы мягко было сидеть. В остальное время мы отодвигали ее как можно дальше от огня, нас мучали опасения, что она обязательно загорится.

– Джек! – подняв голову, я увидел внимательно смотря-

шую на меня Альму. – Ты чего завис?

– Я, видимо, задумался. Прости, – я взял салат и бокалы, а она – небольшую пачку салфеток, – идем скорее!

Мне хотелось перевести произошедшее в шутку, чтобы оно скорее забылось.

– О чем ты думал?

Мы сели на диван. Я разочарованно вздохнул – ситуацию не удалось замять так быстро, как этого хотелось.

– Вспомнился наш дом и камин. Не знаю почему, но я действительно много думаю о том месте. Может, оно даже больше, чем спасательная капсула от мира.

Я начал накладывать в тарелки салат. Альма тем временем принялась за второе.

– Не беспокойся, я тоже часто думаю о доме. Тут нет ничего ужасного. Просто не думай о происходящем как о чем-то негативном. Мы этого давно хотели, ведь так?

– Да, я просто почему-то разволновался. Ты же меня знаешь, иногда пустая паника – это мое всё, – я издал сдавленный смешок и взял бокал вина.

Приятная горечь и немного пряное послевкусие. Вино мне нравилось. Я сделал сразу несколько больших глотков – от жажды, нервов или просто желания, сам не понял.

– Тебе нравится вино?

– Да, хорошее.

– Тогда тебе, наверное, понравится и еда, – она рассмеялась, накалывая на вилку небольшой кусочек куриной груд-

ки.

– Сейчас оценим, – я насадил кусочек мяса на вилку и положил в рот.

Это было приятно и как-то по-домашнему. Альма, определенно, умела готовить. Просто какая-то восхитительная женщина во всех аспектах жизни. Она действительно много всего умела и делала это почти безупречно. Но если вернуться к впечатлениям от блюда, то стоит сказать, что приготовленная курица была выше всяких похвал.

– О, это прекрасно! – я наклонился и поцеловал ее в губы. – Это действительно вкусно!

– Ты о еде или моих губах? – она улыбнулась.

– Ну я бы и тебя всю съел без остатка, поверь мне, – триумфально забросил себе в рот кусочек картошки.

– О, я в этом не сомневаюсь, но думается мне, что ты подавился бы еще на стадии волос и выплюнул всю меня назад, – ее голос и смех возвращали меня к реальности почти так же, как бокалы вина.

– Ну тогда можно так далеко не заходить, – мы чокнулись бокалами еще раз и отпили из них.

Вечер мне нравился. Он был последним вечером тут. Может, это и позволяло нам делать что угодно и не бояться последствий или осуждения. Хотя и раньше меня это не особо-то заботило, как-то получалось, что всегда думал только о себе и Альме. Но сейчас было что-то особенное. Возможно, именно осознание того, что он последний и остав-

ляло свой отпечаток на происходящем. Я решил полностью отдаться вечеру вместе с ужином, со всей чепухой и этим сухим красным вином, отдающим немного чем-то пряным, вместе с этой замечательной курицей и салатом, вместе с бесконечно удивляющей меня Альмой и ее спокойной верой в меня. Все эти мысли – в моей голове, а ужин продолжается.

Мы сидим и жуем курицу с картошкой и овощным салатом, смотрим друг на друга, улыбаемся, иногда поглядываем по сторонам. Мне не удастся рассмотреть рисунок стола, Альма специально замостила его тарелками, кружками и корзинкой с хлебом. Поднимая свой бокал, я видел лишь кусок картинки, а именно чьи-то ноги. Мне даже не удавалось определить, кому они принадлежат: человеку, собаке, кошке, или, может, это вообще лучи света от какой-нибудь пирамиды или пламени. Египетские рисунки были частью чего-то совершенно безумного и в тоже время абсолютно последовательного. Как-то не силен во всяких там мифологиях, в чем не стыдно признаться. Во всяком случае, это не мешало мне жить.

– Наклонись, пожалуйста, хочу поближе рассмотреть твои глаза, – выдала вдруг Альма.

– Ого, зачем это? – я в смятении покачал содержимым бокала.

– Просто вдруг захотелось, – она наклонилась ближе ко мне.

– Ну, хорошо, – мне не составило труда наклониться, она

уже и так довольно близко сидела.

И вот она рассматривает мои глаза, водит своими зрачками слегка в стороны, то влево, то вправо. Какой-то танец кобры глазами, упорно пытающейся меня загипнотизировать. Но нет, она всего лишь изучает их.

В ответ я начал рассматривать ее и вижу, как на правом глазу немного лопнули сосуды, видимо, от напряжения на работе. А вдоль них плывет корабль с несколькими трубами и пушками, маленький такой корабль. На другом глазу вижу остров с городом, который окружен крепостью и, явно, готовится к обороне. Маленькие людишки бегают и кричат. Неужели один какой-то корабль мог их так напугать? Удивительно. А вода была беспокойна, волны разбивались о берег и поднимали миллионы брызг, ветер дул довольно сильно, стоял ужасный холод. Это было видно по замерзшим людям на корабле: они изо всех сил мчались по дощатой палубе к корме, где спускались в трюм, а кто-то из них бежал к орудиям. Все было мокрым от дождя и ветра, который поднимал брызги воды и разбрасывал их, куда только мог. Это, кажется, не смущало капитана, который стоял в своей рубке и, смотря на корму корабля через мокрое окно, что-то громко орал окружающим. А один из его матросов, во всем черном, выбежал из рубки и начал спускаться вниз, бросился в сторону орудий на корме и, когда уже почти до них добрался, резко остановился, подняв голову и посмотрев на меня. Вода текла по его соленому лицу, попадала в глаза, его раздирала

злость – это было ясно по взгляду и сжатым зубам.

Он поднял руку, трясаясь от злости, указал на меня пальцем и закричал:

– Пошел ты!

Но сколько злости было в этой фразе, сколько отчаяния и горечи.

Я засмеялся и как-то сразу вылетел оттуда.

– Я выгляжу так смешно, когда рассматриваю тебя? – со смятением в голосе Альма отодвинулась обратно.

– Нет, что ты, – я взял ее руку почти около локтя, – просто показалась забавной сама ситуация.

– У тебя красивые глаза, не думаю, что кто-то тебе говорил об этом, – она взяла бокал свободной рукой.

– Что же там такого? – я немного комично прищурился, а Альма сделала глоток из бокала.

– Четкая грань цвета, после которой идет этот темный бархат и в итоге проваливается в абсолютно черную пустоту. Твои глаза даже хочется обнять, будь они большего размера. Лежали бы в моей кровати, и я клала бы на них голову, когда спала, – с небольшим звоном ее бокал коснулся египетского столика.

– Охренеть! – мы оба рассмеялись. – Да мы просто людоеды какие-то.

Еда на столе заканчивалась, ужин медленно подходил к своему завершению и закончился совсем, когда Альма наколола и положила в свой сладкий рот последний кусочек

курицы с тарелки.

Кстати, забавный факт: люди делятся на два типа – те, кто съедает мясо раньше гарнира, и те, кто – гарнир раньше мяса. Альма как раз принадлежала к последнему – эта моя гипотеза подтверждалась в ее случае абсолютно всегда.

– Я схожу в душ, ты пока иди в спальню, – она подмигнула мне и встала из-за стола.

– Хорошо, увидимся в кровати! – я смотрел ей вслед: как она удаляется, а потом и вовсе скрылась за дверью ванной комнаты. Мне оставалось лишь уйти в спальню.

Вздохнув, я поднялся с дивана и, обойдя стеклянный стол, направился в спальню. Мягко ступая, я скользил по мягкому полу, по пути зарулил в бар и взял початую бутылку какого-то крепкого алкоголя. Помнится, я откупорил ее еще в прошлый раз: вкус напитка был интересным и горло драл не сильно. Я не фанат крепкого пойла, но иногда нужно себя встряхивать. Я убрал затычку и наполнил бокал наполовину. Хотя уже и был не трезв, но этого казалось мало, хотелось больше и именно сегодня.

Поставил бокал на тумбочку около кровати, немного отпив из него. Завалившись на кровать, я подоткнул себе под спину несколько разных подушек, что валялись на ней. Бокал вновь оказался у меня в руке. Мне нравилась его прохлада, которая контрастировала с приятным теплом, разливавшимся по моему телу, и поглощала меня. Я задумчиво провел бокалом по лбу, замедляя ход своих мыслей. С запо-

тевшего стекла на нос плавно скатилась капля воды.

Послышался щелчок двери и в проеме спальни быстро появилась Альма.

– Не уснул? – она изящно провела руками по талии, от груди до бедер.

– Решил дожидаться, – я рассматривал ее тщательно вытертое полотенцем тело.

Спутанные волосы, посвежевшее лицо и немного стеснительный взгляд. Ее гладкое тело, по которому позже будут скользить мои руки, прижимая ее ближе и заставляя изгибаться. Я представил себе, как буду ее ласкать и поддерживать, как она будет желать меня и искать мои губы для поцелуя, но в движении теряя их, целовать где попало. Как она будет выдыхать горячий сладостный воздух и хватать ртом новый, когда ее тело станет немного влажным от пота и движения сделаются совершенно нескованными. Она будет чувствовать меня, а я скользить по ней, близясь к финалу. Она глянет на меня вызывающе, ее волосы опустятся мне на лицо. Преодолевая тяжесть тела и усталость последних движений, она издаст что-то наподобие негромкого рыка и, коснувшись моих плеч и губ, упадет рядом на кровати.

Чуть позже, когда сердцебиение успокоится, она еще раз поцелует меня и, игриво подмигнув, вновь скроется в ванной комнате. У меня есть не более получаса, пока она принимает душ. Бокал вновь касается моих губ, и алкоголь обжигает рот.

Сделав два больших глотка, плеснул себе еще. Мир закружился – я плюхнулся на мягкий диван с кожаными подлокотниками и пригубил еще немного. Вечер, определенно, подходил к концу.

С верхнего этажа слышался какой-то шум и позже:

– Включи Эрика Сати! Сука!

Закрываю глаза и провожу ладонью по лбу, жара нет. Значит, это будут первые холода, когда я не заболею.

– Включи Эрика Сати!

Сверху слышался звук разбивающегося стекла и падающих предметов. Наверное, уронили шкаф или полку с книгами.

– Я сказал тебе, включи Эрика Сати, блять!

В какой-то момент я начал думать, что происходящее мне что-то напоминает, возможно, у меня дежавю. Но все эти мысли вмиг пропали, раздался звук выстрела и удар чего-то тяжелого об пол. По нему что-то звонко катилось, кажется, немного по кругу. Я допил содержимое бокала. Ужас, что творится.

Из темноты появляются тарелки и падают на меня, ударяясь о рыжий кафель. Я – размером с жука, все валится прямо на меня. Но звон посуды не слышен, и от этого становится жутко страшно, кажется, еще немного, и я впаду в панику. А осколки всё летят и летят в этой оглушающей тишине, об-

ломки посуды сталкиваются и рассыпаются вдребезги. Кричу изо всех сил, чувствую, как от крика начинает жечь горло, как трясутся мои голосовые связки, но не могу разорвать это вакуум, как не стараюсь.

Внезапно падаю на кафель посреди множества осколков, в каждом из которых вижу свое лицо, орущее изо всех сил. Эта испуганная гримаса с широко раскрытым ртом. Глаза, полные ужаса. Или даже чего-то большего, чем ужас. И так несколько раз, а потом темнота. Темнота, которую, как гром, порвал хриплый крик вперемешку со звоном бьющегося стекла. Вдруг в один момент все это прекратилось и опять провалилось в оглушающую тишину.

Я чувствовал касание руки на своей щеке и то, как подушечкой пальца меня слегка ткнули в нос.

– Милый, просыпайся, а то все проспийшь, наш домик уже ждет.

Я приоткрыл один глаз, щурясь от яркого солнечного света. Еще немного болела голова – кажется, вчера немного переборщил или алкоголь был не таким уж и хорошим, как я думал. Во всяком случае, не самое плохое утро: Альма рядом и, явно, рада мне и сегодняшнему дню.

– В моей голове будто осыпаются камни с какой-то очень сыпучей горы, – я привстал в кровати и посмотрел по сторонам.

– Так сильно болит?

– Даже непривычно.

– Ну, может, это уже возраст дает о себе знать, старик? – она засмеялась и, поцеловав меня в щетинившуюся щеку, встала с кровати.

– Ох, это уже похоже на вызов, – я попытался встать с кровати, ища глазами стакан с водой на тумбочке.

После нескольких глотков становится легче. Слипшийся мешок внутри меня, являющийся моими легкими, наконец-то наполнился воздухом, и появилась возможность дышать нормально. Мне оставалось избавиться от головной боли и можно было спокойно начинать это утро.

– Может, тебе таблетку? – Альма уже накинула футболку и стояла в дверях.

– Давай сразу все, что есть, – я немного криво улыбнулся, но не успел даже посмотреть по сторонам, как мне протянули таблетку, и удивленно добавил. – Спасибо.

Вместе с остатками воды таблетка отправилась внутрь и, прокатившись по пищеводу, начала медленно рассасываться. Наверное, через несколько минут мне станет лучше. Сложно прогнозировать, такого раньше не было.

– Сделаю нам свежего сока и чего-нибудь в дорогу. Я несильно голодна, а ты?

– О, я перекушу чего-нибудь по пути. Считай, что не голоден.

– Хорошо.

Она ушла на кухню, а я начал медленно одеваться. Вспом-

нилось: когда мы спали впервые, она призналась, что без ума от моих ключиц. Прямо так и сказала: «Кажется, я влюбилась в твои ключицы». Надо спросить ее об этом – теряются ли чувства спустя столько времени? Но для этого нужно скорее одеться и попасть на кухню.

В голове еще скрипело и сыпалось, но день уже, определенно, начался, а вчерашний точно закончился. И, когда я попал на кухню, Альма уже сделала сок и протягивала его мне. Рядом стояла корзинка для пикников, и, кажется, в ней уже было все необходимое в дорогу.

– Ты все положила? – заглядываю в корзину, и в глаза мне бросаются зеленые салфетки с нарисованными красными цветами в углу.

Никогда не понимал, какой частью салфеток правильное вытирать рот, а салфетки с таким рисунком и вовсе сбивали меня с толку. Радовало лишь то, что я привык обходиться без них. Да и кто будет вытираться зелеными салфетками? Наверняка, Альма взяла их просто как подставку под еду. У нее более рациональный подход, чем у большинства женщин. Меня приводила в тихий восторг ее привычка не брать лишнего, а укладывать всегда ровно столько, сколько требуется.

– Наверное, забыла палатку и копыя, – смеясь, она встала.

Ну да, конечно, она ничего не забыла, я отпил немного сока. Станный вкус: необычное сочетание моркови с цитрусовыми вызывает совершенно разные вкусовые ощущения.

– Что это такое? – я махом допил сок и взял корзину с нашими продуктами в одну руку, другой – поставил в раковину стакан.

– Эксперимент, если ты про сок, – она завершила обход квартиры и тоже вернулась с пустым стаканом в верхней одежде. – Я готова. Ты уже закончил?

– Думаю, что все. А сок все же неплохой. Вкус, приводящий в смятение, – я снял свой пиджак с вешалки, и мы вышли на улицу к машине.

На улице уже было довольно светло, точно за полдень. Странно... Я, определенно, не выспался... Наверное, из-за кошмара. Глянцевая поверхность капота блестела от солнца – в салоне, наверное, душно и все нагрелось. Альма кивает на дверь пассажирского места, и кажется, в этот раз рулить мне.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – она поудобнее села и убрала лишние вещи из кармана в бардачок.

– Голова не болит, и не тошнит, но, явно, не выспался, – посмотрев по сторонам, я повернул ключ зажигания.

Машина зашуршала двигателем.

– Это пройдет. Заедем купить кофе, может? При выезде из города есть небольшое кафе, мы с тобой там уже были, кофе у них неплохой, крепкий, – и она, немного извернувшись в кресле, пристегнула ремень безопасности.

– Ого, а я совсем забыл о нем. Согласен, – посмотрел в зеркало заднего вида, там было чисто. Лишь редкие маши-

ны ехали по дороге в неизвестном мне направлении.

– Вот так и живем, забываем, вспоминаем... Может, это всё, что у нас есть?

– Ого, ты проглотила с утра философский фрукт? – усмехнувшись, я включил поворотники и начал выезжать.

– Да ну тебя, – Альма улыбаясь изобразила недовольство. Да, по ней видно, она будто светится от происходящего. Порывшись в памяти, я не мог вспомнить, когда сам был счастлив так сильно последний раз. Ну и пусть даже если никогда. Мне становилось смешно вдобавок еще и от этого всего.

Мы ехали, я следил за дорогой и по возможности поглядывал в стороны, рассматривая улицы и дома. Сегодня было мало машин и людей, могло показаться, что еще раннее утро. И погода – как же все-таки она изменчива. Вчера без конца лило и ничего не предвещало такого расклада, а сегодня печет так, что в машине тропики.

– Тебе не душно? – я повернулся к Альме, мы стояли на перекрестке и ждали разрешающего сигнала светофора.

– Нет, но, если хочешь приоткрыть окно, я не возражаю, – она погладила меня по руке, лежащей на руле.

От ее слов я испытал забавное ощущение и, издав смешок, слегка приоткрыл боковые окна. Загорелся зеленый, и мы тронулись, салон наполнился легким шумом ветра и шуршанием шин с двигателем. Кажется, все налаживалось.

До кафе мы довольно быстро доехали, и Альма вышла

за кофе, правда, вернулась с тремя стаканами.

– Это стакан с водой, – ответила она на мой вопросительный взгляд и села в машину.

– Зачем он нужен? – я улыбался, держа его в руках.

– Знаешь, это как перед просмотром кино: мы сейчас будем наблюдать нашу новую жизнь, – она достала телефон из кармана. – Перед просмотром данного ролика выключите звук на телефоне, чтобы не отвлекаться. Или выключите телефон. В случае если это невозможно, просто опустите телефон в стакан с водой.

Немного брызг упало на мою руку и джинсы. В стакане, испустив пузырьки воздуха, покоился телефон Альмы, и было в этом что-то отвязное, действительно ставящее точку и позволяющее нам двигаться дальше.

– Дерзкая девчонка! – мы поцеловались, и я выкинул стакан с содержимым в мусорный бак, стоящий около нашей машины.

– А то! – мы пили кофе, а солнце светило и отражалось от корпуса машины во все стороны.

Сон уходил прочь, после выпитого кофе появилась бодрость и свежесть – и вот мы уже мчимся навстречу нашей цели. Дорога стремительно сужается, из виду пропадают дома, городской пейзаж меняется на сплошную череду деревьев, кустарников и небольших холмов. Машин на трассе мало, что позволяет мне ехать довольно быстро, изредка притормаживая. Я поглядывал по сторонам и наслаждался све-

жим воздухом, проникающим сюда через приоткрытые окна. Альма сидела полулежа и смотрела за окно.

Когда я вспоминал, что несколько десятков минут назад она спокойно опустила свой телефон в стакан с водой, то еле сдерживал смех, что, впрочем, не всегда удавалось. Ее действия приятно удивили и развеселили меня: это хорошо, что даже спустя столько лет она с легкостью может так поражать меня – для наших отношений это очень полезно.

В тот день, когда Альма рассказала, что обожает мои ключицы, я признался в ответной любви к ее запястьям.

– Наверное, такого ты еще не слышал? – она положила ладонь мне на живот.

– Чего это я не слышал? – она провела ладонью от живота к шее.

– Я люблю твои ключицы! – она воскликнула это резко и засмеялась от смущения.

– Ах так! – я поднял ее и добавил. – А я люблю твои запястья!

В это мгновение мне показалось, что мы стали еще более близки, чем были до этого. Подозреваю, что именно тогда я понял, как сильно люблю ее. Что она нужна мне.

На пустом участке дороги, убедившись, что впереди не так много машин, и на всякий случай сбросив скорость, я повернулся к Альме и рассмотрел ее. Волосы немного

взъерошились от ветра, глаза были закрыты, левая рука лежала на ноге и, кажется, отстукивала какой-то ритм. Сделав усилие, я смог уловить его, но никакой песни соотнести с ним не удавалось. Наверное, в ее голове играет какая-то застрявшая мелодия из недавно услышанного. На правую руку она положила голову, изредка приоткрывая глаза и смотря в окно.

Я опустил правую руку и взял кисть Альмы, прервав ее отбивание ритма. Нащупал запястье и начал поглаживать его.

– Забавно, что ты помнишь об этом, – она быстро посмотрела на меня и с улыбкой закрыла глаза, снова повернувшись к окну.

Дело в том, что у нее это была слабая точка, что-то напоподобие эрогенной, а в данном случае мои поглаживания по запястью просто успокаивали ее.

Раз: мы делаем немного резкий поворот направо. Два: брызгаю омывателем лобового стекла. Три: дворники начинают протирать его. Четыре: стекло уже сухо и чисто. Посмотрел на Альму – ветер трепал ее волосы, она все еще смотрела в открытое окно и чему-то улыбалась. Возможно, она просто наслаждалась моими касаниями или рассматривала что-то за оконным отверстием машины.

Природа в этих местах прекрасная, именно поэтому мы построили здесь дом. Хотелось быть подальше даже от случайных и незнакомых людей, от шума дороги, гула пролетающих и садившихся самолетов. Максимум, что могло на-

рушить это спокойствие – сама природа. Например, в виде диких лис. Живя в домике, я часто подкармливал их, в итоге они привыкли и уже знали, где можно найти еду. Как-то мне захотелось их увидеть: я спрятался и ждал их появления несколько часов. Мое воображение рисовало худых рыжих собак, которых лучше не трогать. Увидев же их, я был поражен – все оказалось совершенно иначе.

Парочка здешних лис, которых я застал за кормежкой, была весьма упитана. Видимо, часто ели то, что я им подкидывал, и в итоге располнели от такой заботы. Мне удалось даже погладить одну из них, приманив ее кусочком мяса. Я провел рукой по ее голове, и, на удивление, она убежала не сразу. На мгновение наши взгляды пересеклись, а потом, вырвав мясо из пасти, она резко схватила его вновь и скрылась за деревьями. Очень удивительный случай, который мне почему-то запомнился.

По приезду стоит внести это занятие в список важных дел и снова начать подкармливать лис. Тем более что теперь мы будем жить там постоянно, так что нужно заботиться о здешних лесных жителях.

– Как думаешь, насколько скоро стражи порядка начнут искать нас и заявятся к нам в дом? – спросила она и, перекинув ноги через рычаг коробки передач, положила их на мои колени.

– Думаю, не пройдет и двух недель, но не считаю, что стоит хоть как-то переживать из-за этого, – я слегка удивился ее

гибкости и, стараясь не сильно отвлекаться от дороги, начал поглаживать ее ноги.

– Да, конечно. Просто из любопытства спросила, – она слегка потянулась, расправив спину. – Знаешь, как в кино про детективов: они пошлют самого юного или наоборот матерого. Если юного, то он будет жаждать запутанного дела, чтобы скорее его раскрыть и стать знаменитым, матерый, наоборот, будет ждать самого худшего, наших расчлененных тел или догорающих остатков машины, в которой навсегда исчезнут все улики.

– Кошмар какой! Ты хочешь меня убить, поэтому так легко согласилась на все это?

– Ну не знаю... – она улыбалась.

Все это действительно было слегка странно, но смешно. Передо мной во всех подробностях появилась впечатляющая картина всего вышеописанного, но ничуть не испугала. Эти ее мысли не были для меня новостью: Альма обладала очень богатым воображением и порой, кажется, сама не до конца понимала, что творится в ее голове. Осознание того, что она может довериться интуиции и что именно это связало нас, радует меня. Благодаря этой мысли и ощущению какого-то космического предопределения все проклятое безумство мира остается позади.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.